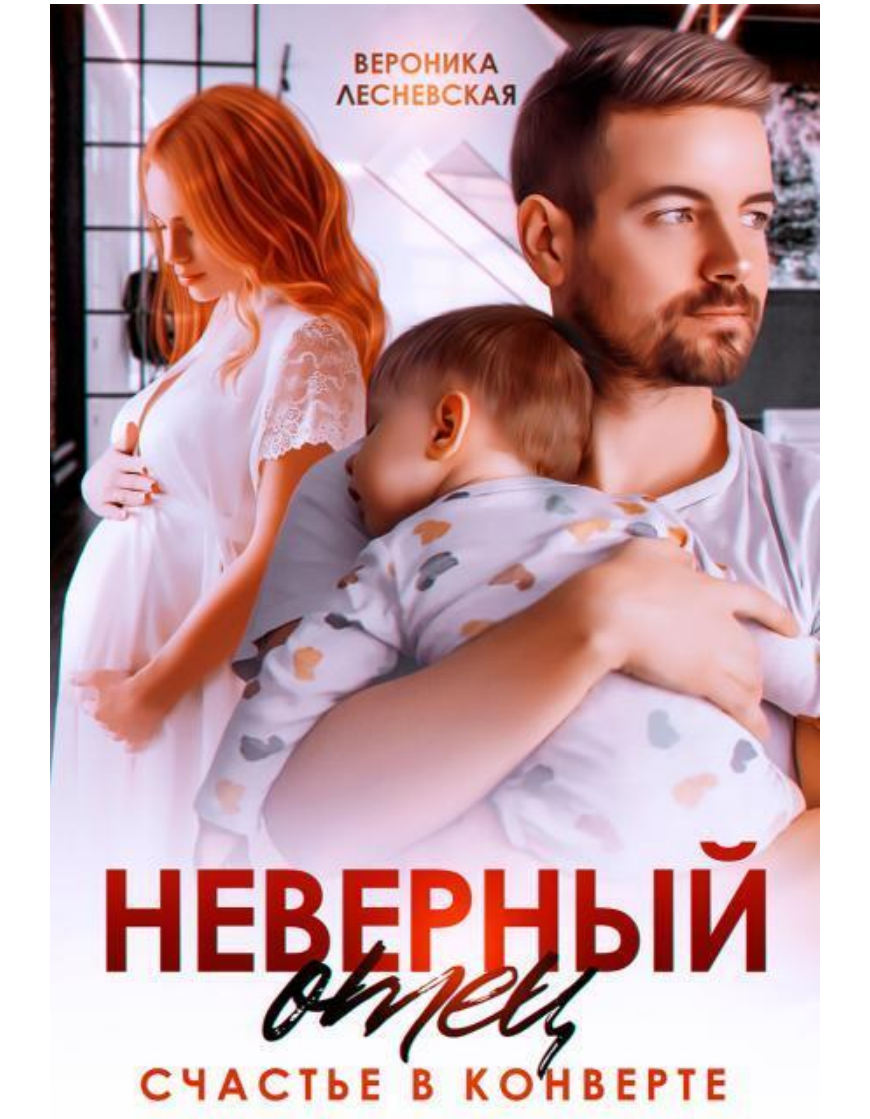

VERONIKA
LESNEVSKAYA

НЕВЕРНЫЙ

он же

СЧАСТЬЕ В КОНВЕРТЕ

Вероника Лесневская

Неверный отец.

Счастье в конверте

<https://litres.ru/74238622>

Аннотация

- Ты сделал тест на отцовство? Не лги, что нет... К тебе на смену поступила пациентка, которая твердила, что носит под сердцем твоего сына, и ты просто забыл об этом? Отмахнулся? Не верю! - Да, сделал, - Герман перебивает меня прямым выстрелом в сердце. - И? Душа вдребезги, ладонь судорожно сжимается на ткани халата внизу ноющего живота, внутри которого зарождается маленькая жизнь. Узнает ли он о моей беременности - зависит от его ответа. - Вероятность отцовства девяносто девять и девять процентов, - каждое слово отзывается болью в груди. - Но, послушай, Амина, все не так... Не слышу больше ничего. Белый шум. У моего будущего мужа родился ребенок от другой... Срываю с шеи цепочку, на которой в рабочее время вместо кулона ношу свое помолвочное кольцо. В сердцах отшвыриваю на стол. И не узнаю собственного голоса, когда морозным тоном цежу: - Свадьба отменяется! Я никогда не выйду за тебя.

* ПОДДЕРЖИТЕ звездочкой/нравится и добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять :-)

 Читайте также историю Вики и Гордея Одинцова -
"Ненужная мама" - История Нади и Назара Богданова -
"Бывший папа" - История Михаила - "Настоящий папа в подарок" - и "Незабудки для бывшего"

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	56
Глава 8	64
Глава 9	72
Глава 10	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пролог

- Это твой ребенок, спаси его, - женский голос звучит безжизненно и сипло.

В приемный покой на каталке ввозят беременную. На подоле ее длинного бесформенного платья – пятна и разводы. Одна рука покоится на небольшом округлом животике, на вид примерно шестимесячном, вторая – впивается ногтями в запястье Германа, моего непосредственного начальника и... будущего мужа.

Пациентка судорожно сминает ткань его медицинского костюма, оставляя влажные следы. Держится за доктора на протяжении всего пути, словно за единственный шанс на спасение. Или... за любимого мужчину.

Он остается холоден и непоколебим, словно пропустил ее слова мимо ушей. А я-то все слышала, и теперь растерянно подхожу ближе, стараясь отбросить личное и сосредоточиться на работе. Жизнь человека – главная ценность. Остальное потом, даже если на больничной каталке... любовница моего жениха.

- Герман Янович, женщину нашли без сознания в районе нашей больницы. Преждевременные роды, открылось кровотечение, - отчитывается фельдшер скорой, спокойно и четко, как безэмоциональный робот. - При ней не было ни вещей, ни документов.

- Бездомная? – бесстрастно бросает, осматривая ее и ощупывая живот. За свою практику он повидал много тяжелых случаев, вплоть до летальных исходов. Привыкнуть к этому невозможно, но очерстветь – легко. Защитная реакция.

- Неизвестно. С момента, как пришла в себя, она только бредит и не может внятно ответить ни на один вопрос.

Сердце заходится в груди, а колени подкашиваются.

Непослушный взгляд вновь мечется в сторону беременного живота. Оцениваю объем и навскидку подсчитываю срок. Ориентировочно тридцать недель. Может, тридцать две, не больше.

Мы с Германом уже были в отношениях, когда она забеременела.

Временно усыпляю в себе ревнивую женщину, чтобы включить сосредоточенного медика. Последний сейчас нужнее. Жизнь человека – главная ценность. Остальное потом, даже если на больничной каталке... любовница моего будущего мужа.

Откуда она взялась? Почему именно сейчас, когда у нас все наладилось?

Ошибка... Какая-то ошибка... Или глупая шутка...

Украдкой прислушиваюсь к дальнейшему разговору врача с загадочной пациенткой. Почти не дышу, захлебываясь накатывающей паникой.

- Вы меня слышите? – Герман щелкает пальцами перед ее лицом, убирает прилипшие ко лбу черные пряди волос, слег-

ка похлопывает по щекам, приводя в чувство. - Помните, как вас зовут? Фамилия? Есть родственники или близкие, кому мы могли бы сообщить, что вы в больнице?

Брюнетка заторможено взмахивает ресницами, фокусируется на его лице и расплывается в мягкой улыбке. Бесцветные глаза наполняются надеждой.

- Только ты, любимый, - лепечет из последних сил, лихорадочно цепляясь за его одежду. - Спаси нашего сына, умоляю.

Несколько дней спустя

Пунктуальный до секунды Герман сегодня опаздывает на собственную пятиминутку, и я понимаю, в чем причина. Точнее, в ком.

Он врывается в кабинет, настежь распахнув дверь, быстрым шагом пересекает помещение и падает в кожаное кресло, которое жалобно поскрипывает под ним. Небрежным взмахом руки разрешает начать доклады, а сам погружается в чью-то историю.

Минуты тянутся мучительно долго, слова коллег звучат словно в вакууме, и я не различаю смысла. Не отрываясь от хмурого доктора, пытаюсь считать его эмоции. Тщетно. Они прячутся под броней врача. Лицо как гипсовая маска.

Что же ты скрываешь, Демин? Впрочем, несложно догадаться.

- Ты опять был в детском отделении? – спрашиваю, когда

мы остаемся в кабинете наедине. - У того недоношенного малыша?

- Да, а что?

Герман нехотя отвлекается от бумаг и устремляет на меня пустой, стеклянный взгляд голубых, почти прозрачных глаз. Мыслями он не здесь, а так и остался рядом с кувезом, где лежит ребенок. Его ребенок от другой женщины.

- Решил проведать, узнать, нужно ли что-нибудь. Он ведь остался без матери. Мы ее не спасли, точнее, я, - добавляет тише, опустив голову. - Теперь у него больше никого нет... В конце концов, это мой долг.

- Как врача? Или родного отца? – заканчиваю его фразу с намеком.

- Прекрати, мы все с тобой уже обсудили, - раздражается, с трудом проглатывая ругательства. - Я не имею к этому никакого отношения...

Не верю. Ни единому слову. Больше нет.

- Ты сделал тест ДНК? – обезоруживаю его простым вопросом.

Меняется в лице, дергает себя за ворот медицинской рубашки, будто в помещении резко закончился кислород. Мне тоже не хватает воздуха, и я панически хлопаю губами, как пойманная на его удочку рыба и безжалостно выброшенная на берег. Легкие сковывает тисками, душа вдребезги, ладонь судорожно сжимается на ткани халата внизу ноющего живота, внутри которого зарождается маленькая жизнь.

В тот день я собиралась сказать ему нечто важное, обрадоваться, что у нас все получилось несмотря на прогнозы и врачей, но появление беременной от него пациентки спутало все планы. Слишком много детей на одного бесплодного мужчину, которым он себя считал. Узнает ли Герман теперь о моей беременности, зависит от его ответа.

- Кхм-кхм, что? – беспокойно прочищает горло, стараясь избегать зрительного контакта со мной.

- Демин, не лги, что нет! И не притворяйся, будто не понимаешь, о чем я. Ведь я знаю тебя в совершенстве, - нервно усмехаюсь, в то время как хочется плакать и крушить все вокруг. – В нашу смену поступила роженица, которая твердила, что носит под сердцем твоего сына. И ты просто забыл об этом? Отмахнулся? Не верю! Герман Демин всегда все перепроверяет, даже самые нереальные версии. И хватается за любой шанс, который подкидывает судьба.

- Да, сделал, - перебивает меня прямым выстрелом в сердце.

- И? – все, что могу выдавить в ответ.

Судорожно сглатываю и чуть не задыхаюсь от горечи и отчаяния, когда слышу его жестокий ответ:

- Вероятность отцовства девяносто девять и девять процентов, - каждое слово отзывается болью в груди. - Но, послушай, Амина, все не так...

Не слышу больше ничего. Белый шум.

У моего будущего мужа родился ребенок от другой...

Оглушающий звук хлесткой пощечины разносится по кабинету. Герман, не шелохнувшись, буравит меня вспыхнувшим взглядом. На его лице – ярость и страх. Ни капли вины! В моих глазах только один вопрос: «Зачем?»

Он так упорно добивался меня, спасал от мужа-тирана, заставил довериться ему и влюбиться, чтобы... в итоге предать? Признавался мне в чувствах, а параллельно изменял и делал ребенка другой? Что за жестокие игры? Я сдаюсь!

Моя хрупкая, бьющаяся в конвульсиях вера в мужчин отключается от системы жизнеобеспечения. Прямая линия и писк кардиографа. Нас больше нет.

Срываю с шеи цепочку, на которой в рабочее время вместо кулона ношу свое помолвочное кольцо. В сердцах отшвыриваю на стол. И не узнаю собственного голоса, когда морозным, обреченным тоном цежу:

- Свадьба отменяется! Я никогда не выйду за тебя.

Глава 1

Год назад. Первая встреча

Герман

Вторая Родина встречает меня проливными дождями, мерзкой слякотью и непроходимой грязью, с чем не справляется даже этот танк отечественного автопрома, взятый в аренду. В городе я предпочитаю машины поменьше и маневреннее, но они не для такой суровой местности. Утонем – не вытащат.

Рискую повысить скорость, слышу, как из-под колес летят комья глины, бьют по днищу. По привычке резко притормозив на повороте, я едва не глохну. Буксую, психую и очень надеюсь, что не придется вызывать эвакуатор, которого здесь наверняка нет. С самыми грубыми ругательствами выбираюсь на более или менее нормальную дорогу, въезжаю в поселок городского типа, где живет семья моей тетки по маминой линии.

Я бы с удовольствием забрал всех родственников к себе в Германию или хотя бы помог им перебраться в столицу, но они непреклонны. Дети давно выросли и разлетелись кто куда, а старшее поколение осталось в этом богом забытом месте. Привыкли жить в тишине и спокойствии, ближе к природе, вести хозяйство и ни от кого не зависеть.

Особенно бабушка, которая любит приговаривать, что не

поменяет дух свободы на заморские подачки. Тем более, если речь заходит о немцах, о которых она отзывается исключительно матом, припоминая рассказы своих родителей о войне. В ее глазах моя мать чуть ли не предатель родины, потому что вышла замуж за коренного жителя Германии, приехавшего сюда по обмену. И хоть родители меня растили в России, да и сейчас мы живем на две страны, но все равно остались безнадежно потерянными для общества.

Удивительно, на меня гнев бабули не распространяется. Она любит меня до умопомрачения и всегда ждет в гости. Так что чаще всего в эту глушь я езжу один.

- Скоро ты, внучок? – доносится добрый, старческий голос из динамика, и я улыбаюсь до ушей, на секунду забывая о гадкой погоде и дерьмовых дорогах.

- Ну, как сказать, - тяну с сарказмом. – Забрались за тридевять земель, попробуй вас найти.

- Ба-а! Неужто родной язык не забыл? – подначивает по-доброму, хотя мы виделись несколько месяцев назад, а разговаривали по телефону буквально на днях. – Однако акцент все равно мерзопакостный, - не упускает случая отметить это.

- Разумеется, не забыл, - не сдерживаю смеха. – Особенно русский матерный, без него в моей профессии никуда.

- Да уж, фрицы даже ругаться не умеют, - выплевывает ворчливо. – Вернулся бы ты лучше в Россию, - заводит старую пластинку.

- Ба, мы уже поднимали этот вопрос. У меня там карьера и перспективы, а тут что? – лениво повторяю в сотый раз, как заклинивший диктофон. - Хочешь, чтобы я старушек в поликлинике принимал? Или в вашем ФАПе уколы в зад ставил?

- Не-е-ет, Гера, - сокращает мое имя по-своему, но я привык. – Я хочу, чтобы ты нашел себе хорошую русскую бабу и женился. Немки твои страшненькие, там всех красивых святая инквизиция на костре сожгла, а еще они карьеристки. От них детей не дождешься. А я правнуков увидеть хочу...

- Это вряд ли, - выдыхаю себе под нос, мгновенно помрачнев и задумавшись.

Вдавливаю педаль газа в пол, яростно прорезая капотом непроглядную стену дождя. Машину подбрасывает на бугристой дороге, колеса скачут по кочкам и впадинам.

В сплошной водяной завесе различаю очертания женской фигуры. Выбегает на обочину под ливнем и, кажется, голосует. Все плывет перед глазами, и я боюсь, что эта ненормальная бросится мне под колеса. Какого Хершела она делает здесь посреди ночи?

- Что за хрень! – зло выплевываю и бью по тормозам.

Опускаю стекло и, облокотившись о дверцу, выглядываю на дорогу. Крупные капли лупят по голове, впитываются в ткань рубашки, оставляя разводы, но мне плевать. Прищутив глаза, пытаюсь рассмотреть незнакомку в свете фар. На ней пресловутое «маленькое черное платье» и высокие каб-

луки, которые делают ее длинные ноги бесконечными. Почему-то она без верхней одежды, да и в целом выглядит так, будто явилась прямиком со светского раута или... с вызова.

- В город подвезете? – спрашивает без приветствия, наклоняясь ко мне и натянуто улыбаясь. Несмотря на миловидную внешность, ее карие глаза в сумраке кажутся зловеще черными, мокрые рыжие волосы змеями спускаются к плечам, высокая грудь судорожно поднимается.

- Ничего, что это в обратную сторону? – недовольно хмыкаю, продолжая кружить по ней взглядом. От приличного, но соблазнительного декольте поднимаюсь к лицу с размазанным макияжем. - А ты со смены или только заступаешь в ночную? – не выдержав, выплевываю с неприкрытым укором. Красивая же девка, но разменивает себя. Губит молодость.

- У меня сегодня выходной, а что? - невозмутимо бросает в ответ. Да ладно? Может, у них еще премии и профсоюз есть?

- Занялась бы чем-нибудь другим. Впрочем, твоя жизнь, - небрежно отмахиваюсь, отстраняюсь от окна и возвращаюсь в теплый салон, откинувшись на спинку кресла. В сердцах хлопаю ладонью по бедру, размышляя, что делать со случайной попутчицей. - В город мне не по пути, я только оттуда. Садись, могу предложить тебе...

Собираюсь подбросить ее к дому бабули, а оттуда вызвать такси. Пусть специальная служба эту ночную бабочку

в пункт назначения доставляет. Я пас.

- Черт, какие же вы все козлы, - внезапно шипит она и, худенькая, через открытое окно ныряет в салон. Глушит мне двигатель, забирает ключ-брелок и выскакивает на пустую дорогу.

- Ля, ты что творишь? – обескураженно выпаливаю и вылетаю из салона. Злой, как собака, промокший до нитки. Я прибью ее, клянусь.

- Я не верну ключи, пока вы мне не поможете, - поднимает обе руки и выставляет перед собой. - Там женщина на восьмом месяце беременности. Схватки каждые пять минут.

Ее слова звучат в унисон с раскатом грома – и обухом бьют по голове, мгновенно отрезвляя.

- Почему сразу не сказала? – выдыхаю напряженно.

- Потому что как только водители слышат о беременной, сразу бьют по газам. Вы уже четвертый по счету. Или пятый. Я сбилась, - на доли секунды ее голос срывается и звучит жалобно, но тут же ожесточается, словно эта хрупкая девушка вдруг вспоминает, что должна быть сильной. - Такими темпами придется на остановке роды принимать. Боже, прошу вас, хотя бы в скорую позвоните, у меня телефон... - запинается, будто скрывает что-то, и отводит глаза, - разрядился.

- Скорая не успеет... Где она? – рявкаю ей в лицо, и она зажмуривается от неожиданности. Так, словно боится. - Веди!

- На скамейке, - указывает в сторону остановки, которую я

не сразу заметил в темноте. Небольшой покосившийся навес спрятался за деревьями, разметка на дороге давно стерлась, если вообще была.

- А ты чего полуголая посреди ночи шляешься? – уточняю грубовато.

- Я в свое пальто женщину укутала, - тихо, обиженно оправдывается. – Пожалуйста, идемте быстрее. Или давайте я сама ее приведу.

- Держи, - достаю свою куртку с заднего сиденья, протягиваю ей.

- Не надо, - упрямо качает головой, а сама зябко подрагивает и обхватывает себя руками.

- Женщина, мать твою! – прикрикиваю, насильно накидывая куртку ей на плечи. Сам же быстрым шагом направляюсь к остановке.

Надеюсь, это не розыгрыш и не уловка местных мошенников, иначе... я за себя не ручаюсь. Жизнью не шутят. Тем более, двумя.

- А-а-ай, мамочки! – доносится истошный визг.

В темноте ориентируюсь по звуку, иду на него, а по пути машинально смотрю на часы, фиксируя время. Сплюываю дождевую воду, что бьет по лицу. Прищурившись, нахожу силуэт женщины, боком лежащей на скамейке.

- Не бойтесь, я врач, - тихо бросаю, когда схватка заканчивается, и она умолкает. – Дышите.

Легко поднимаю беременную на руки, будто она ничего не

весит, и резко разворачиваюсь, чуть не столкнувшись с рыжей, которая только сейчас меня догнала на неудобных каблуках. Вырядилась, блян, как на сельскую дискотеку. Куда еще здесь можно пойти в таком виде? У меня нет ни единой версии, что с ней произошло, и это немного напрягает. Терпеть не могу неопределенность и женщин в беде.

- Под ногами не путайся, - беззлобно рывкаю на нее. – Дверь открой. В машине есть плед, расстели. Свое пальто заberi, в салоне тепло.

Командую ей по привычке, как медперсоналом, а она неожиданно слушается. В точности выполняет все, что я говорю. Шустро, оперативно, без пререканий.

- Давно вы здесь? Когда начались схватки? – начинаю опрашивать беременную, уложив ее на заднее сиденье внедорожника, но она вновь сжимается от спазма и кричит.

- Хреново, - хмурюсь, покосившись на запястье.

Ощупываю напряженный, твердый живот, определяю положение плода, а затем провожу ладонью по джинсам, мокрым и липким.

- Воды когда отошли? – уточняю, получив в ответ очередной стон.

Вынырнув из салона, зависаю над распахнутой пассажирской дверью. Судя по всему, в больницу мы уже не успеем...

- Я встретила ее полчасика назад, схватки стремительно нарастают, - громко отчитывается рыжая, вклиниваясь в разговор, который у нас со случайной пациенткой не заладился. –

Она в гости к подруге ехала с пересадками, но забыла сумку в автобусе – так и застряла на остановке. Возраст тридцать лет, вторая беременность, тридцать девять недель. В первый раз рожала сама, без осложнений.

- Это плюс, - удовлетворенно хмыкаяю, а следом впиваюсь взглядом в шмыгающую носом, мокрую, дрожащую девчонку. - Минуточку, а ты вообще кто такая?

- Акушерка, - гордо вскидывает подбородок и жмурится от дождя.

На секунду офигеваю, застыв с открытым ртом. Да у нас тут целая медицинская бригада собралась. Сам бог велел роды на дороге принимать.

- Вы не бойтесь, - участливо улыбается, неправильно трактуя мою реакцию, и похлопывает меня по плечу. - Главное - довезите нас, а за ней я сама присмотрю.

- Да я не из пугливых, - издаю хриплый смешок, не сдержавшись. – Хорошо, Акушерка, для начала позвони в скорую, - бросаю ей телефон, а сам включаю всю подсветку в салоне. Рожать будем со спецэффектами.

- Но... я не знаю, где мы.

Рыжая растерянно хлопает мокрыми ресницами с подтеками туши, а я снова задаюсь вопросом, как она вообще оказалась в этих дербнях? Однако нет времени выяснять – у нас сейчас другая проблема.

Вздохнув, диктую теткин адрес. Подозреваю, что к моменту приезда скорой мы будем уже дома. Всей толпой, вме-

сте с младенцем... Не это бабушка имела в виду, когда говорила о бабах и внуках, но... чем богаты. Профессия такая.

Глава 2

Я потрошу багажник в поисках подручных средств. Он под завязку набит подарками, и часть из них придется пожертвовать на благое дело. Пятизвездочный коньяк заменит нам антисептик, а дорогой европейский текстиль пустим на пеленки.

- Ой, дави-ит, - слышится жалобный писк. – В туалет хочу-у-у!

- Епт, никаких туалетов, - выпрямляюсь, осознав, что начались потуги, и бьюсь головой о крышку багажника.

Прихватив все необходимое и аптечку, возвращаюсь к роженице, над которой колдует рыжая. Не знаю, что именно она там делает, потому что вижу лишь оттопыренную упругую попку, обтянутую черным клочком ткани, как второй кожей.

Встретились бы мы при других обстоятельствах, но... Так даже интереснее.

- Отойди, я посмотрю, - рычу, слегка дотронувшись до ее поясницы.

Короткое замыкание - и я растираю импульс тока между пальцами.

- Это зрелище не для мужской психики, - важно произносит она, не оборачиваясь. - Мы уже рожаем, но я справлюсь сама. Вы только принесите мне...

- Стоп, Акушерка, я могу помочь, - возмущенно прикрываю на нее.

- Знаю я, как у вас, мужчин, это бывает, - укоризненно та-рахтит, отбрасывая в сторону смятые, мокрые джинсы. Значит, раздевает нашу пациентку. Умница. Только бы еще прекратила чушь нести, но она продолжает болтать: - Сначала хорохоритесь, а на партнерских родах в обморок падаете. Приходится вокруг вас с нашатырем бегать и откачивать вместо того, чтобы внимание роженице уделять.

- Да вроде не замечал такого за собой. Может, чего-то не помню, - откровенно смеюсь. – Медсестрички за мной бежали, каюсь, но без нашатыря.

Забавная канарейка мне по дороге попалась, с ней роды принимать будет весело. Вот только ей не до смеха. Фыркает, когда я, устав общаться с задницей, хватаю ее вредную обладательницу за тонкую талию и рывком дергаю на себя.

- Акушерка, мать твою, все под контролем. Это не первые мои роды, - строго повышаю голос и, вручив упрямыце все, что добыл в недрах багажника, аккуратно подталкиваю ее к переднему сиденью. - Держи, будешь мне ассистировать.

- Эм-м, а вы что... врач? – удивленно рассматривает меня, вскидывая брови.

Не верит, и это слегка задевает. Она тоже на акушерку не особо похожа – по крайней мере, у нас в Германии таких секс-бомб на дежурстве не было. Может, я в какой-то неправильной клинике работаю или... бабуля действительно пра-

ва по поводу русских баб.

- И как ты догадалась? – тяну с сарказмом, щелкнув ее по носу.

Отбивает мою ладонь, а я, сполоснув руки коньяком, невозмутимо наклоняюсь к нашей корчащейся от боли пассажирке.

- Ну, что, красавица, готова мамочкой становиться? Тебе не в первой. Опыт есть, еще и меня чему научишь, - подшучиваю, чтобы снизить градус паники.

- Мне страшно, - наконец-то подает голос она. Значит, немного мне доверилась. – Сыночек до роддома дотерпел, а вот дочка раньше времени...

- Ну, девчонки упрямые. Вечно торопятся и все по-своему делают.

Многозначительно поглядываю на Акушерку. Она серьезна и сосредоточена. Устроившись в салоне, готовится к приему ребенка, чем приятно меня удивляет. Люблю смышленных, которым не надо повторять одно и то же по сто раз. Уважительно кивнув, со спокойной душой и уверенностью обращаю все внимание на роженицу.

- Слушайся меня. Тужься, когда я скажу. И все пройдет быстро и безболезненно. Гарантирую.

Тонкий детский крик разносится по салону, и я выдыхаю с облегчением. Самый желанный звук после затянувшейся тишины, разрываемой лишь шумом дождя. Мелодия жизни.

«Напугала ты нас, малышка», - общаюсь с новорожденной мысленно, внешне делая вид, что все под контролем. Уставшая, обессиленная мамочка не должна знать, что мы чуть не потеряли ее дочку.

Передаю плачущего младенца Акушерке. Соприкасаемся руками, встречаемся взглядами, понимаем друг друга без слов. В янтарных глазах золотом отливает страх, но замечаю это только я. Отрицательно качаю головой, предупреждая ее панику. Это нам сейчас на хрен не надо.

Вспышка молнии прорезает ночное небо – и уже в следующую секунду рыжая невозмутимо занимается ребенком, перевязывая пуповину, обтирая его и укутывая в кусок чистой простыни. Нежные руки неуловимо дрожат, но профессионально делают свое дело, будто работают отдельно от испуганной хозяйки. Милое лицо становится каменным и сосредоточенным, на лбу залегает легкая складка, губы поджаты.

И все-таки умница. Я бы забрал ее к себе в клинику.

- Где моя дочка? Все хорошо? – сипло лепечет роженица, отходя от боли и шока.

- Прекрасно, - невозмутимо бросаю, совершая необходимые манипуляции. – И с вами тоже все в порядке.

Когда с моей стороны все готово, я жестом разрешаю Акушерке вернуть ребенка матери. Женщина прижимает дочку к груди, целует в лобик, плачет от счастья, а затем вдруг поднимает взгляд:

- Скажите ваше имя?

- Амина, - тихо отвечает рыжая, растерявшись. Большие глаза поблескивают то ли от освещения в салоне, то ли от слез.

- Я назову доченьку в вашу честь, Амина, - слабо улыбается женщина. - Ами-ина, - повторяет ласково, теперь уже обращаясь к малышке, которая продолжает мяукать, радуя слух. Жива, здорова, а остальное приложится.

Накрываю их обеих новым пледом, забыв сорвать этикетку, плотно захлопываю пассажирские двери, на всякий случая заблокировав замки – и подхожу к рыжей. Она сидит полубоком в водительском кресле, обняв себя руками, шумно вбирает носом воздух, тяжело сглатывая подступающие к горлу всхлипы.

- Бабы, - закатываю глаза и, отстранив ее, достаю из бардачка бутылку воды. – Сентиментальные создания, - выплевываю небрежно, знаками попросив у нее помощи.

- Вы просто злитесь, что не мальчик. Тогда бы в вашу честь назвали, - парирует она, смахнув влагу со щек, и аккуратно льет воду на мои руки, пока я смываю с себя кровь.

Рассматриваю ее исподлобья, усмехаюсь. Вблизи и практически без макияжа, который исчез под дождем и слезами, Амина выглядит совсем молоденькой, свежей. Ее естественная красота кажется нереальной и в экстренной ситуации играет особыми красками. На мгновение залипаю на покрасневшем лице, погружаюсь в водоворот золотисто-карих омутов.

- Кстати, как вас зовут? – тихо шепчет она, выводя меня из своего же гипноза.

- Герман.

- Вы ведь не местный, да? – мягко улыбается. – Вас акцент выдает.

- Да вы издеваетесь надо мной! – рассерженно выпаливаю, вспоминая бабушкины издевки.

- Даже мысли такой не было, - расстраивается Амина, и возникает странное желание ее успокоить. Или обнять. – Нам повезло, что вы оказались здесь в такое позднее время. Это судьба, наверное.

- Ну-ну, хватит, - лениво отмахиваюсь, но уголки губ упрямо ползут вверх.

Перехватываю бутылку, растираю и мою ее ледяные руки, в то время как она послушно замирает. Немного смущается, и эта реакция почему-то трогает до глубины души.

Закатываю рукава ее платья по локоть, чтобы было удобнее, и вдруг замечаю синяки на левом запястье. Дергаю за кисть, разворачиваю к свету.

- Что это? – зло рявкаю, изучая следы на нежной, фарфоровой коже, оставленные чужими пальцами.

Вздрагивает, резко выдергивает ладонь. Отползает на переднее пассажирское сиденье, освобождая мне водительское. Кутается в мою куртку, чтобы закрыться морально и физически. Ее пальто так и осталось где-то в багажнике.

- Ничего необычного, - хмыкает преувеличенно равно-

душно, пытаюсь сохранить спокойный тон, но голос срывается, а пальцы трясутся, когда она судорожно натягивает рукава. На ее правой ладони только сейчас замечаю обручальное кольцо. Его Амина почему-то тоже мгновенно прячет. – Принимала тяжелые роды.

- Партнерские? – хмуро хмыкаю, падая за руль.
- С чего вы взяли? – искоса поглядывает на меня.
- Судя по размерам, такой след могла оставить мужская пятерня. Так что это вряд ли роженица в состоянии болевого шока. Скорее, ее нервный муж, не выдержавший родового аттракциона. Или кто-то еще... - делаю паузу, испытующе смотря на нее. Даю шанс рассказать правду.

- Не помню деталей, - пожимает плечами и отворачивается к боковому окну.

- Ну, и хрен с тобой, Акушерка, - грубо кидаю, заводя двигатель. Выбрасываю ее имя из головы, ведь так проще не привязываться и не волноваться о ней. – Дождемся скорую в доме моей родни, здесь недалеко. Отправим нашу дорожную пациентку в больницу, а потом тебе такси вызовем. Я все оплачу. И катись к мужу, - подытоживаю слишком жестко.

Флер очарования молниеносно испаряется. Терпеть не могу жертв, которые покрывают и оправдывают своих мучителей. Совет да любовь, если нравится жить с тираном! Всех не спасешь.

Глава 3

Амина

- Ты сегодня вырядилась, как распутница. Специально, чтобы подцепить кого-то? - гремит на весь салон автомобиля, и я дергаюсь, как от хлесткой пощечины. В груди жжет от обиды, к горлу подкатывает ком, но я стараюсь не подавать вида, как сильно задета. Такие люди, как мой муж, питаются чужой болью.

- Мы были в загородном доме с родителями, Марат, - монотонно отвечаю, прокручивая обручальное кольцо на пальце. – Кого мне там соблазнять?

Белое золото будто раскаляется и прожигает кожу. Дико хочется снять это бремя, выбросить в окно прямо на проезжую часть, а потом... сигануть из машины на полной скорости. Но я держусь. Сохраняю внешнее спокойствие и самообладание. Эмоции атрофируются, нервные окончания отмирают. Надо потерпеть – осталось совсем немного.

- Тем более, следовало бы проявить хоть каплю уважения к старшему поколению, - назидательно чеканит он, а у меня ощущение, что он не на десять лет старше, а на целую жизнь. - Ты оделась неподобающе.

- Но ты же сам купил мне это платье, - аккуратно напоминаю ему. Он в принципе контролирует весь мой гардероб и дико ревнует из-за разницы в возрасте. Раньше мне каза-

лось это любовью, а сейчас... я будто в клетке застряла с бешеным тигром.

- Я не думал, что оно так сядет, - прокружив по мне взглядом, недовольно возвращается к дороге. - На тебе все смотрится развратно.

- Тебе кажется, Марат, - шепчу, плотнее запахивая пальто. - Твоя необоснованная ревность оскорбляет меня. Я никогда не давала повода...

- Выметайся, - перебивает меня с лютой ненавистью, и на секунду я теряюсь от его хамства.

- Куда?

Автомобиль резко тормозит, и меня резко бросает вперед. Машинально выставляю руки, чтобы не удариться о приборную панель, но ремень задерживает меня, больно впиваясь в грудь.

- На трассу, где тебе самое место, - муж добивает меня уничижительными словами.

- Прекрати, Марат, ты раздуваешь ссору из ничего, и я искренне не понимаю, зачем ты это делаешь, - отдышавшись, размеренно убеждаю его. - Тебе не понравилось, как прошел вечер? Мне показалось, родители остались довольны.

- Твои – конечно! С того самого дня, как удачно выдали тебя замуж. А моим – чему радоваться? – выплевывает обреченно. - В таком возрасте я уже должен появляться на семейных торжествах с детьми.

- Я не могу тебе их дать, - произношу одними губами.

- Лечись!

- Не все так просто, но я этим занимаюсь, - бросаю дежурную фразу, стараясь не смотреть ему в глаза.

Марат по образованию психиатр, доктор человеческих душ, так безжалостно терзающий мою. Порой мне кажется, что он видит меня насквозь.

- Молодая девка, а уже бракованная, - вздыхает с разочарованием, хлопая ладонью по рулю. - Наказание.

- Я пойму, если ты подашь на развод, - слетает с губ, и я закусываю нижнюю. Слишком явно. Слишком много надежды в моем голосе.

Грубые пальцы врезаются в мой подбородок, приподнимают, заставляя запрокинуть голову. Прищуренный взгляд буравит лицо, и я жду, когда Марат раскритикует мой макияж. Но вместо этого он быстро целует меня в лоб, как покойницу.

- Ни-ког-да, - чеканит по слогам, и от его тона мороз по коже. - Ты моя жена, Амина, и именно ты родишь мне наследников. Считай, что это любовь, - говорит так, словно ставит на мне клеймо, и отпускает. Протянув руку, открывает мою дверь. - Погуляй под дождем, заодно подумай о своем поведении. Воспитательный момент.

- Ты в своем уме, Марат? – не выдержав, повышаю голос.
- Мы далеко за городом, здесь может быть небезопасно.

- Об этом надо было думать, когда одевалась как на па-

нель.

- Я была уверена, что рядом с мужем мне ничего не угрожает, - цезжу с вызовом. - Я ошибалась?

Молча выходит из машины, огибает капот, подлетает ко мне и хватает за запястье. Жесткий рывок – и я стою на мокром асфальте, балансируя на неудобных каблуках. В свете молнии перекошенное лицо мужа кажется злоеющим. Стойко выдерживаю наш зрительный контакт, потому что ни в чем не виновата, однако Марату не нравится моя непокорность. Он возвращается в машину – и трогается с места, с грозным ревом двигателя уезжая прочь.

Заторможено смотрю ему вслед и не верю, что все это происходит со мной. Марат всегда был вспыльчивым, но чтобы настолько... Несмотря на то, что моя сумка осталась на заднем сиденье автомобиля, а я стою одна посередине пустой дороги в кромеиной тьме, я чувствую... облегчение. Вдыхаю полной грудью воздух свободы, горько ухмыляюсь и окончательно убеждаюсь в своем решении.

* * *

- Как же тебя, такую красивую, к нам в поселок занесло? – добрый хриплый голос ласкает слух, отвлекая меня от мрачных мыслей.

Бабушка Германа суетится вокруг меня, пока он сам встречает скорую. Мужчина собран и уверен в себе, важно общается с медиками, сообщает всю необходимую информацию о родах, в которых мы чуть не потеряли ребенка. Вспо-

минаю об этом – и сердце рвется. Звонящая тишина до сих пор стоит в ушах. Знаю, что должна быть бесстрастна, но не могу. Каждый ребенок, которому я помогаю появиться на свет, словно впитывает частичку моей души. А эта крошка – еще и имя взяла. Маленькая Амина.

Я сама мечтаю о детях, но... не от Марата. В голове не укладывается, что он бросил меня в незнакомом месте в ночь.

- Ездила в гости, заблудилась, - говорю полуправду, когда пауза затягивается и становится неприличной. – Мне бы домой, - кидаю обычную фразу, от которой у меня зубы сводит.

Не вернусь! Хотя... придется. Как минимум, за документами. Марат знал, как именно меня прогонять, чтобы я не ушла. Манипулятор, а я будто его психиатрический проект.

- Так, все в порядке, - на ходу отчитывается Герман, отпустив скорую и шагая к нам, стоящим на крыльце старого дома. – Роженицу нашу с младенцем отвезут в роддом, за которым она закреплена, родственникам сообщат. Я оставил ей немного денег на всякий случай и свой номер. Думаю, все будет нормально, - запинается, задумчиво потирая подбородок. - Теперь ты, - прищурившись, смотрит на меня так, будто в самую душу пробирается. Мысленно закрываюсь от него, и он это улавливает. Хмурится. - Такси?

- Да, если вам несложно, - киваю, импульсивно кутаясь в куртку, которая пахнет им. Мурашки проносятся по коже то ли от холода и сырости, ведь я промокла до нитки, то ли

от этого неприлично горящего взгляда, пронизывающего до костей, то ли от мужского аромата, пропитавшего всю меня. - В центральный роддом, у меня смена с утра, - поспешно добавляю.

Киваю сама себе. Пока что это лучшее решение. Там и переодеться можно, и искупаться, и позавтракать. На секунду чувствую себя беспризорницей, и от этого больно. Не такой я представляла себе семейную жизнь.

- Куда на ночь глядя? – вдруг вступается за меня бабуля. – В таком виде... Холодная, голодная, полуголая, - указывает на мое мокрое платье и каблуки, чем вызывает неприятные ассоциации. – Ладно, ты стесняешься, а у тебя мозги есть, внучок, или растерял в своей Германии? Я не зря говорила, выродились там мужики, да еще и наших портят. Тьфу, - в сердцах плюет под ноги Герману.

От неожиданности открываю рот, хлопая ресницами и глядя на невозмутимого мужчину. Он лишь усмехается, будто привык к такому обращению и совсем не злится. Наоборот, его лицо смягчается, становится добрее и теплее, а уголки губ тянутся вверх.

- Идем, не слушай этого немца, - бурчит бабуля, хватая меня под локоть, и ведет в дом. Украдкой смеюсь, растворяясь в их необычных, но уютных семейных отношениях.

Надо бы настоять на своем и уехать, но... я так замерзла. Во всех смыслах.

Глава 4

В камине потрескивают поленья, мяуканье рыжей кошки, которая кормит своих котят на лежанке у входа, убаюкивает, из небольшой кухоньки доносится звон посуды, голоса, среди которых улавливаю мужской баритон, приглушенный, хриплый и, кажется, недовольный, но переживать об этом не осталось сил. Глубже забираюсь в кресло, мечтая спрятаться от всех проблем в темном уголке дома, куда не добывает свет абажура, кутаюсь в махровый халат, который выделила мне Элеонора Павловна, тетушка Германа, вбираю носом ароматы еды, витающие по столовой.

Беззвучно плачу, надеясь, что никто не увидит моих слез. В момент, когда самое страшное осталось позади, а я нахожусь в сравнительной безопасности, наступает откат. Не могу бороться с подступающей к горлу истерикой.

Устала.

За эту ночь и... за всю жизнь. Ощущение, что я разрушаюсь изнутри.

- Так, красивая, сейчас ужинать будем, - появляется из кухни бабушка Стефа, как она сама представилась, и неторопливо шоркает ко мне. – На ночь Эля постелет тебе в своей комнате, а сама со мной переночует. Геру на твердый диван отправим, пусть спасибо скажет, что не в будку к собаке, - говорит достаточно громко, чтобы Герман услышал. -

Прощтрафился.

Суматошно вытираю влажные щеки тыльной стороной ладони, шмыгаю носом, а она делает вид, будто не замечает моего состояния, чтобы не смущать. Садится на диван неподалеку от меня, и кошка, оставив свой приплод, бежит к хозяйке, запрыгивая на колени и сворачиваясь клубочком.

Каждая деталь здесь как часть большого пазла, который складывается в приятную картину под названием «Дом». Я этого лишилась, когда вышла замуж.

- Не утруждайтесь, я не голодна, - выпрямляюсь, собирая по осколкам остатки своего достоинства. Слепить себя воедино до конца не получается. – Спасибо вам за все, утром я уеду.

- Вредная ты немного, - задумчиво произносит старушка.
- И упрямая, но это даже хорошо. Только уж больно худая, откормить бы, - изучает меня внимательно, прищуривается, а в уголках ее глаз залегают глубокие морщины, сеточкой расходясь по всему лицу.

- Мам, ну ты как будто на убой ее готовишь, - хмыкает Элеонора Павловна, вплывая в столовую с подносом. Ставит его на стол, берет чашку и с ней подходит ко мне. – Выпей, полегче станет.

- Что это? – хмурюсь, протягивая руку и обжигаясь о горячий советский фарфор.

- Травяной чай, успокоительный и противопростудный,
- объясняет, в то время как я с подозрением заглядываю в

кружку, украдкой понюхав отвар.

- Вы знахарка?

- Я? Скажешь еще, - смеется снисходительно, будто я из темного леса вышла. - Обычная медсестра, но в последнее время перепрофилировалась в ветеринара. Нам это нужнее – у нас с мамой маленькая ферма. Конечно, благодаря Герману - помогает нам финансово, иначе мы бы не справились. И вообще, мужик он неплохой, добрый, ты не подумай, просто...

- Немец, - выплевывает бабушка гневно.

- Наполовину, - улыбается Элеонора, укоризненно качая головой. – Да ты пей, Амина. Имя у тебя необычное, означает «верная».

- Значит, будешь хорошей женой, - добавляет Стефа.

- Спасибо, - сипло произношу, сделав глоток кипятка и облизнув губы. – Я уже замужем, - нехотя признаюсь, на миг опуская мокрые ресницы. Руки подрагивают, чай расплескивается на халат. Кольцо кажется тяжелым и тянет вниз, как кандалы.

- Когда женщина ЗА мужем, она чувствует себя уверенно. А ты сама призналась, что заблудилась.

Простые слова бабули режут по живому. Прячу слезы в кружке, разбавляя травы солью. Зелье тетушки не помогает, если простужена душа.

В повисшей тишине гремят мужские шаги, будто удары в набат. Приближаются, и сквозь мутную пелену я различаю

знакомую мощную фигуру.

- Не утомляйте нашу гостью разговорами, пусть отдохнет, - безэмоционально говорит Герман. – У нее и так выдалась тяжелая ночь.

Бабушка и тетя уходят без лишних слов, оставляя нас наедине.

Герман медлит. Он совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, смотрит мне в глаза, но мыслями витает где-то далеко. Молча нависает надо мной, спрятав руки в карманы брюк, тяжело вздыхает, будто решает мою судьбу.

«Катись к мужу!» - всплывают в памяти его жестокие слова, и я вздрагиваю, как от удара плетью.

Жестокий приказ Германа до боли напоминает грубое: «Выметайся!», брошенное Маратом. Не могу избавиться от болезненных ассоциаций, поэтому разрываю зрительный контакт и роняю голову, уставившись в плавающие на поверхности чая травинки. Чувствую себя лишней теперь еще и в этом доме. Беженка – нигде мне нет места.

- Прости, Амина, я был неоправданно груб, - шелестит над макушкой, и я не верю собственным ушам. Мужчины не извиняются, по крайней мере, так всегда утверждал мой супруг.

- Не беспокойтесь, я уже забыла об этом, - лгу неубедительно. Не умею, а надо бы научиться.

- Амина, если нужна какая-то помощь... - он опускается на одно колено, облокотившись о второе. Аккуратно берет

меня за запястья, на одном из которых остались синяки, ведет по ним большим пальцем. Его ладони обжигают сильнее горячего чая в моих руках, взгляд исподлобья ранит – слишком много в нем жалости. – Деньги, жилье, связи... Обращайся, я могу...

- Нет, - перебиваю его, отдергивая кисти.

Мужчины никогда не делают ничего просто так, а именно у этого я особенно не хочу оставаться в долгу. У меня и так проблем хватает, но еще... мне дико не нравится моя реакция на его близость. Бережные прикосновения, терпкий запах, бархатный голос, теплый взгляд – все в нем будоражит какие-то неизведанные струны моей души. Это неправильно. Я замужем. Пока что...

- Спасибо, но мне ничего не нужно, кроме такси на утро, - строго отбиваю каждый слог, проводя границу между нами. Красную линию, которую пересекать запрещено, прежде всего, мне. Иначе получается, что Марат был прав.

Попытавшись встать, я чуть не опрокидываю кружку себе на колени, но Герман перехватывает ее, так спокойно, будто не чувствует жара, и убирает с грохотом на стол. Буквально доли секунды созерцаю его сгорбленную спину, напряженные плечи, не зная, что будет, когда он повернется.

- Ладно, будь по-твоему, - оглядывается на меня, выдыхает, разжимает ладони, что были стиснуты в кулаки. - Утром я сам отвезу тебя, куда скажешь. А пока отдыхай. Спокойной ночи.

- Спокойной... - проглатываю окончание фразы, потому что Герман исчезает слишком быстро.

Не дотронувшись до еды, потому что кусок в горло не лезет, я закрываюсь в комнате, которую мне уступила тетушка Элеонора. Всю ночь не могу уснуть, ворочаюсь в постели, прислушиваясь к шорохам за дверью. Шестое чувство подсказывает мне, что Герман тоже не спит, но я отмахиваюсь от него. Неважно.

С первыми лучами рассвета я все-таки отключаюсь. Ненадолго. Словно моргнула. Ведь стоит мне сомкнуть глаза, как звенит будильник.

Облачившись в подсохшее вчерашнее платье, которое стало источником моих бед и персональным проклятием, я тихонько покидаю комнату. Герман ждет меня в столовой, бодрый и при полном параде, будто и не ложился.

- Кофе? – выгибает бровь, заведя меня.

- Я не завтракаю, - отрицательно качаю головой и чуть не молю: - Мы можем ехать?

- Да, конечно, - кивает и широкими шагами пересекает помещение. Быстро, словно ему не терпится от меня избавиться.

Называю адрес больницы, и дальше мы едем в полной тишине. Только когда паркуемся, я рискую поблагодарить его на прощание:

- Спасибо за помощь, - чуть слышно шепчу, покосившись на Германа. Вижу, как он барабанит пальцами по рулю. - И

бабушке с тетей передайте, пожалуйста, что я очень им благодарна.

- М-гу, - неопределенно мычит, изучая фасад здания. Будто запоминает, где я работаю.

Глупости! Он просто ждет, когда я наконец-то выйду из его машины. Делаю это нехотя, словно выбираюсь из уютного оазиса в жестокий мир, в котором я совершенно одна.

- Береги себя, - как выстрел, летит мне в спину, и я чуть не спотыкаюсь на месте.

Но причина уже не в том, кого я оставляю позади себя...

Во внутреннем дворике родильного отделения, недалеко от центрального входа припаркована знакомая дорогая иномарка безупречного, как ее владелец, белоснежного цвета. На водительском месте, откинувшись на спинку кресла, будто провел здесь много часов, вальяжно развалился тот, кого я не хотела бы встретить так скоро. В идеале, никогда.

- Марат, - обреченно выдыхаю и, вскинув подбородок, делаю шаг вперед. Обратно в ад.

- Где ты была? – тихо роняет муж, выходя из машины.

Не здоровается со мной – не достойна. Не интересуется моим самочувствием – ему плевать. Но и голос не повышает – слишком много «свидетелей».

- Там, где ты меня оставил, - отвечаю тоже негромко и сдержанно, принимая его правила игры.

Все, что происходит семье, должно оставаться внутри. На людях мы идеальная пара, и ни у кого даже мысли не возни-

кает, сколько проблем и недопонимания есть между нами. С каждым днем бетонная стена все толще. С каждым отрицательным тестом на беременность ненависть Марата все сильнее.

- Я вернулся ровно через час, но тебя и след простыл, - цедит с претензией.

Легким кивком здоровается с коллегой-медиком, что спешит на работу, другому пожимает руку, потом с улыбкой приветствует заведующую моим отделением - эффектную женщину под сорок. Ведет себя обыденно, вежливо. Репутация для Марата превыше всего, а я должна ее поддерживать. Как бесплатное приложение к мужу.

Хмыкает, словно вспомнив о чем-то, и ныряет в салон, доставая с заднего сиденья мою сумку, которую я в панике забыла ночью, и огромный букет белых роз. Демонстративно протягивает цветы мне, но их запах не вызывает ничего, кроме тошноты. К горлу подкатывает ком, когда Марат быстро целует меня в щеку, которая пылает от стыда и негодования. Благо, он сразу же отстраняется, а я молча забираю сумку.

Не раскаивается, не просит прощения. Показуха.

- И ты уехал домой? – продолжаю говорить равнодушно, украдкой сморгнув слезы. - Как тебе спалось? Спокойно? – поднимаю взгляд, встречаясь с его потемневшими, почти черными глазами.

- Не дерзи, - рычит сдавленно. – Кто тебя привез?

Неуловимым движением руки указывает на автомобиль

Германа, который только сейчас трогается с места и, взвизгнув колесами, на полной скорости вылетает с территории медучреждения. Значит, все это время он был здесь. Наблюдал за мной. И видел наше «примирение» с мужем.

Меня не должно интересовать мнение практически чужого человека, но почему-то в этот момент ощущаю себя жалкой.

- Таксист, - выдыхаю, отворачиваясь.

Забудь, Амина. Это лишь случайный попутчик. О себе думать надо.

- Чем расплачивалась? Кошелек ты в машине забыла, – грубо выплевывает, и у меня дыхание перехватывает от обиды. – И выглядишь, как...

- Как женщина, которую вышвырнул под дождь собственный муж, - горько усмехаюсь, срываясь с катушек. Он недоволен, а я уже не могу остановиться. - Это больше не должно тебя интересовать, Марат, - набираюсь смелости, чтобы уверенно выпалить: - Я подаю на развод.

От неожиданности он замирает, удивленно уставившись на меня. Пауза затягивается. Тишина пробирается в душу и выворачивает наизнанку.

- У меня смена через пять минут, - выдавливаю из себя, сквозь пелену слез посматривая на часы. Стрелки плывут, капелька падает на циферблат, и я смахиваю ее. – Мне пора.

Оставляю цветы на капоте, разворачиваюсь, чтобы уйти, но чувствую жесткую хватку на локте. Оглядываюсь на мрач-

ного от злости мужа. Но он меняется в лице, как по щелчку пальцев, когда замечает очередную группку медиков, снующих во дворе.

- Хорошего дня, дорогая, - неискренне желает мне, клюет в лоб и отпускает. — Кажется, сегодня ты дежуришь сутки, - не спрашивает, а утверждает. Мой график тоже под контролем. — Жду тебя утром дома. Поговорим в спокойной обстановке.

Небрежно бросив букет на сиденье, Марат садится за руль. Уверен, что я никуда не денусь. Я с ним со дня своего совершеннолетия, под строгим надзором и своеобразным воспитанием. За семь лет ни слова против. Что может измениться?

Но у меня другое мнение на этот счет. Поэтому спустя сутки после адски тяжелой смены, разбитая и уставшая, я еду не к мужу, а туда, где меня должны принять. В родительский дом. Однако все оказывается сложнее, чем я ожидала...

Глава 5

- Ни о каком разводе не может быть и речи, - ледяным тоном заявляет мама, наливая мне зеленый чай, который я терпеть не могу. – Печенье? Бутерброды? – невозмутимо сервирует стол, как робот с заданной программой.

Слежу за ее отточенными до автоматизма действиями домохозяйки, а в памяти всплывает уютный домик в глуши. Треск камина, аромат отвара, прикосновение мужских рук и твердое: «Обращайся, я могу».

Не сомневаюсь... Проблема в том, что я так не могу. Довериться постороннему человеку, когда даже родные отвергают.

- Ты слышала, о чем я рассказывала? – повторяю сдавленно. Хочется кричать и биться в истерике, но в горле спазм, а тело ватное и будто не принадлежит мне. Впрочем, так и есть. Я собственность мужа.

- Амина, выбрось это из головы, - не повышая голоса, мать хлестко бьет словами. - Хочешь опозорить нашу семью? Все будут шептаться, что у нас гулящая дочь. У отца и так больное сердце, это его добьет. Ты же знаешь, как он тебя любит.

- Но я не гуляла, зачем ты так? – хмуро свожу брови к переносице. - Просто я не могу больше так... Марат... - закусываю губу, подавляя всхлипы. - Я не могу с ним жить.

- Наоборот, без него не выживешь, - грозит мне пальцем,

как в детстве, когда я не слушалась. - Марат – серьезный, ответственный, успешный мужчина, выдающийся врач, уважаемый человек. Даже на работу он тебя устроил...

- Чтобы контролировать.

- И правильно, - хлопает ладонью по столу. - Судя по тому, что ты выдумываешь, он дает тебе слишком много свободы. Пылинки сдувает, твою женскую несостоятельность терпит, а ему наследники нужны.

- Он сам не проверялся, - напоминаю аккуратно, словно Марат рядом и может отругать меня за это. - Когда я заикнулась о том, что репродуктолог хочет его видеть и тоже обследовать, то получила пощечину.

- Не преувеличивай, - отмахивается мама, а я машинально потираю запястье. – Марат сдержанный, а у тебя действительно нашли проблемы. Зачем мужа дергать? Сначала пусть тебя полечат. Кстати, может, это из-за гормонов у тебя перепады настроения? Аминочка, ты успокойся, обдумай все еще раз... - сменяет гнев на милость. Ласково берет меня за руки, сжимает над столом одеревеневшие пальцы. - Ну, сама посуди, останешься одна. Без семьи, детей, будущего. Разве это лучше?

- В последнее время мне кажется, что да...

Смотрю родной матери в глаза, но не нахожу там ни капли сочувствия и отклика. Высвобождаю ладони, лихорадочно вытирая о край вечернего платья. Я так и не переоделась, потому что не была дома. Нет у меня его. Скиталица.

- Хорошо, что папа тебя не слышит, - летит в меня с укором, и я импульсивно зажмуриваюсь. - Где-то в твоём воспитании мы допустили ошибку.

- Знаешь, а я хотела бы, чтобы он услышал, - широко открыв глаза, выдаю смело. - Позови отца.

Мама нехотя кивает, нервно подпрыгивает с места и через пару минут возвращается с папой. Как на духу я рассказываю ему все, что произошло той ночью, утаив лишь один момент – Германа. Хотя я и не сделала ничего зазорного, но предпочитаю умолчать об этом. Настолько выдрессировал меня муж, убедив в распушенности, что я боюсь невольно подтвердить его обвинения.

Отец слушает внимательно, хмурится, барабанит пальцами по столу.

- Согласен, - выдает после паузы. И когда мне кажется, что я обрела союзника, задумчиво добавляет: - Марат немного погорячился.

- Немного? – голос срывается.

- Наверное, Амина была с ним слишком резка... - спешит оправдать зятя мама. - Мы ее избаловали.

- Не мы, а ты, - жестко осекает ее папа, а затем медленно, четко произносит, словно гипнотизирует: - Я поговорю с ним, дочка. Уверен, Марат осознает свою ошибку и изменит отношение к тебе. Договорились? – по-доброму улыбается. - Он тебя очень любит.

Я будто ухожу под воду, заточенная в клетке. Меня тянет

на дно, стремительно и без шанса вынырнуть. Пытаюсь закричать, но никто меня не слышит. Захлебываюсь.

- Амина? – доносится издалека.

Это все происходит не со мной. Я просто маленькая девочка, которая хочет домой.

- М? – очнувшись, часто моргаю и глубоко дышу, чтобы не заплакать. - Я подумую.

- Правильное решение. Лучше всего это делать дома, - от теплого слова в груди мороз, но я малодушно поднимаю полный надежды взгляд. Мне можно остаться? Хотя бы ненадолго... Но папина фраза как оплеуха, приводящая в чувство: - Давай отвезу тебя к мужу. Заждался, наверное. Заодно пообщаемся.

- Нет, - выпаливаю слишком испуганно и резко. Поймав на себе суровые взгляды родителей, вымученно улыбаюсь и выдаю уже ставшую привычной ложь: - Мне на работу надо.

- Ты много времени проводишь в больнице, дежурств набрала, еще и ночных, а лучше бы внимание мужу уделяла, - отчитывает меня мама, провожая в коридор. - Ты должна сосредоточиться на беременности. Тебе уже двадцать пять, нельзя откладывать. Настоящее призвание женщины – дети, и Марат именно такую супругу хочет видеть рядом с собой. Все образуется, дочка.

Обнимает и скупо целует меня на прощание, а я спешу убрать с себя мамины руки. Должны исцелять и оберегать, но нет... Отдают на растерзание мужу.

В роддом возвращаться стыдно, но выбора нет. Пробравшись через запасной выход, чтобы лишний раз не попадаться на глаза коллегам, я закрываюсь в пустой медсестринской. Делаю себе кофе, крепкий и горький, чтобы зубы свело. Если бы могла, то напилась до бессознательного состояния, но я никогда не пробовала алкоголь. В моей семье не принято.

В животе урчит, желудок сучивает спазмом. Больше суток я почти ничего не ела, да и сейчас мысли только о том, как выспаться. Ныряю в сумку, чтобы проверить, сколько у меня денег с собой, но рядом с кошельком нахожу лекарства и витамины, которые прописал мне репродуктолог. Я точно не брала их на встречу с родителями, значит... Марат позаботился... Как всегда, по-своему.

В сердцах сгребаю все пластинки – и выбрасываю в урну, прикрыв смятыми бумажками.

С меня хватит. Я не хочу детей. Раньше я мечтала, что они крепче свяжут нас с мужем и мы станем ближе, роднее, но сейчас... Такая перспектива меня пугает. Может быть, это судьба, что бог не дает нам потомство?

- Не поняла, ты почему опять на работе? – раздается удивленный шепот коллеги. - Только утром же сменились.

- Я посижу у вас немного. Лан, только не спрашивай ни о чем, - отмахиваюсь и пробую кофе. Гадость! Горький, как моя жизнь. Но я пью еще, большими глотками, обжигаясь и не чувствуя боли.

- Опять со своим психиатром поссорилась? – причитает

Лана, присев рядом на диван. Дружески поглаживает меня по предплечью. - Слушай, это не дело. Сколько ты будешь от него по роддому прятаться? Не в первый раз здесь ночуешь.

- Так получается, - пожимаю плечами, краснея от неловкости. - Я не готова об этом говорить.

- Если хочешь, поживи у меня. В тесноте да не в обиде, - игриво толкает в бок, чтобы приободрить.

- Тебе твоих близняшек неугомонных мало? – смеюсь, немного расслабившись. – Только меня вам не хватает в однушке.

- Наоборот, мне поможешь, как раз потренируешься обращаться с детьми, - поддерживает непринужденную беседу. - Кто через моих бандиток пройдет, тот в армии не плачет.

- Они прелестные, не наговаривай, - шумно вздыхаю, по доброму завидуя коллеге. - Спасибо за приглашение, но я как-нибудь сама справлюсь. Все в порядке, - бубню как мантру. – Передохну и поеду домой.

Собираюсь с духом, проигрываю в голове всевозможные варианты разговора с мужем, формулирую аргументы, но... все они разбиваются о внезапный звонок. Нехотя беру трубку – и выпаливаю до того, как в меня полетят угрозы с того конца линии:

- Да, Марат, прежде чем ты опять начнешь оскорблять меня...

- Прости, - перебивает меня, вгоняя в состояние шока одним словом.

- Что?

Мой супруг часто прибегает к методу кнута и пряника, но при этом он никогда не извиняется. Сегодня – впервые.

Прости?

Не верю своим ушам, с подозрением принимаю к этому черствому «прянику» и теряю дар речи, когда Марат четко повторяет:

- Прости! Любимая, я был не прав. И еще... - делает вдох, чтобы снисходительно выдохнуть: - Давай сделаем ЭКО? Я готов пойти на это ради тебя.

Что-то щелкает во мне, похожее на лязг наручников, – и время останавливается.

Глава 6

Несколько дней спустя. Вторая встреча

- Ты заметно повзрослела, Амина, - менторским тоном произносит Марат, неторопливо размешивая сахар в кружке, ни разу не коснувшись ложкой ее стенок. Никаких посторонних звуков, кроме его грудного, тяжелого баритона. – Не рубишь сгоряча, воздерживаешься от истерик, не позоришь меня при коллегах. Мне это импонирует. Наконец, я рад, что ты вернулась и согласилась на мое предложение.

Сдавливаю в руке губку, выжимая из нее пену, которая тут же смывается проточной водой из крана. Опускаю в раковину вместе с посудой, тщательно вытираю руки, пытаюсь за этим нехитрым занятием немного успокоиться.

- Не совсем так, - выдыхаю тихо, но твердо. Оглядываюсь, устанавливая с мужем зрительный контакт, неприятный и гнетущий. - Я обещала подумать, а ты...

- Не трогать тебя и дать время, что я и выполняю, - делает глоток зернового кофе, который я ему сварила по семейному рецепту свекрови. Принюхивается, морщится и отставляет чашку. Впервые мне плевать на то, что ему не понравилось. Настораживает другое - несмотря на "отсрочку", он продолжает гнуть свою линию: - Надо бы подобрать доктора, который подготовит тебя к ЭКО, а главное - не будет трепаться о твоей проблеме.

- Может, нашей? – поправляю, выгнув бровь. Он мрачнеет, а я невозмутимо занимаю свое место за столом. Марат всегда сидит во главе, а я рядом, со стороны сердца, которого у него нет.

- Пусть так, - цедит через силу. - Я предлагаю обратиться в частную клинику...

- Туда, где лучший гинеколог – мужчина? – как бы невзначай напоминаю.

- Исключено! – рывкает, хлопнув ладонью по столу, а затем добавляет мягче: - Ты же знаешь...

- Да, поэтому бы хотела и дальше наблюдаться у своего врача при больнице, - отвожу взгляд, как будто Марат может прочесть мои мысли. - Конфиденциальность она гарантирует.

- Хм, я кому угодно рот заткну деньгами или другим способом, - рычит, чернея от злости. Смотрит на меня исподлобья. – С подружками не трепись об этом... дорогая, - добавляет, смягчая посыл.

- Откуда у меня подруги, Марат? – усмехаюсь нервно. – Я, кроме дома и работы, ничего не вижу. Кстати, мне пора на смену...

- Я подвезу, - мгновенно вскакивает с места.

Это не забота, а контроль. После моих слов о разводе муж ни на шаг меня не отпускает, готов выполнить любую мою прихоть, хотя я ничего не прошу, ведет себя преувеличенно трепетно и внимательно, незаметно затягивая удавку на моей

шее. Спасает только работа, но ее надолго не хватит.

- Пятиминутка! – заговорщически шипит Лана, как только я переступаю порог отделения. Не позволив мне переодеться, накидывает халат на плечи и тащит за руку в ординаторскую.

- В выходной день? – удивленно свожу брови к переносице. – Что-то случилось в отделении?

- Сплюнь, - суеверно оборачивается через левое плечо. – У нас новый акушер-гинеколог, хочет познакомиться с коллективом.

- Прекрасная новость, - хмыкаю свободно. – Нам как раз не хватало дежурантов. Доктора зашиваются.

- Заведующая в панике...

- Почему? – спотыкаюсь на ровном месте и замедляю шаг в недоумении. - Она же так долго искала подходящего кандидата, который согласился бы за копейки пахать за троих, но при этом был бы профессионалом, - усмехаюсь, вспомнив нереальные запросы начальницы. Подчиненные ее терпеть не могут, я отношусь с настороженностью, и только Марат всегда находит с ней общий язык. Наверное, я бы даже приревновала его, если бы умела и... по-настоящему любила.

- Нашла на свою голову, точнее, ей навязали. Теперь Богомолова боится, что новенький ее подсидит, причем в самое ближайшее время, - бубнит коллега сквозь стиснутые зубы, озираясь по сторонам, чтобы никто не подслушал.

- Не смейся. С ее-то связями... - недоверчиво качаю голо-

вой.

- На каждый вес найдется противовес. Говорят, этот из-за границы, сложные операции там проводил, мамочек и деток с того света доставал...

Неуместные воспоминания отрывистыми вспышками мелькают в сознании.

Непроглядная ночь, пустынная дорога, проливной дождь... Новорожденная малышка в сильных, напряженных руках. Каменное, лишенное эмоций мужское лицо, беззвучные ругательства, произнесенные одними губами, уверенные действия и... благодатный детский крик.

Прогоняю четкий образ, который преследует меня все эти дни. Не понимаю, почему я не могу забыть Германа? Возможно, потому что он подарил мне надежду. Чем скорее я выброшу его из мыслей, тем легче мне будет жить дальше.

- Ты так восхищенно его описываешь, будто в ординаторской нас ждет сам бог, - скептически ухмыляюсь, когда мы останавливаемся у входа в кабинет.

Лана вежливо стучится и толкает дверь, пропуская меня вперед. Бросает в пасть тигру, малодушно выглядывая из-за моей спины. Застываю на пороге, и сердце пропускает удар прежде, чем я вижу... его, будто срабатывает шестое чувство. В груди разливается нечто неопределенное, похожее на холодные потоки дождя, который свел нас однажды. Не понимаю, как реагировать...

Герман тоже узнает меня, но ведет себя так непринужден-

но, словно ждал этой встречи, и лишь на дне его зрачков мелькает напряжение, а также что-то еще... необъяснимое, но волнующее.

- Что ж, - выдыхает он с едва уловимой ухмылкой. Хриплый голос вибрацией прокатывается по венам. – Теперь, когда все в сборе, можем начинать. Надолго вас не задержу, прекрасно понимаю, как много у вас работы. Точнее, уже у нас, - отвернувшись от меня, опирается бедрами о стол и берет в руки планер. - Для начала представлюсь – Герман Демин.

- А по отчеству? – вкрадчиво доносится из толпы.

- Хм, можно без... - слегка теряется мужчина, закатывая рукава рубашки и открывая увитые венами, жилистые предплечья. - Там, откуда я приехал, это не принято.

- А у нас субординация. Вы же в России, - дерзко вклинивается Лана, и я аккуратно толкаю ее в бок. Если слухи подтвердятся, не хотелось бы, чтобы она вылетела с работы, когда Герман станет заведующим.

- Согласен. Как говорится, в чужой монастырь со своим уставом... - приятно улыбается, демонстрируя знание русских пословиц, которые с его специфическим акцентом звучат непривычно. Догадываюсь, откуда это в нем – бабушка Стефа привила любовь ко второй родине. Невольно улыбаюсь, и наши взгляды вдруг пересекаются. Он смотрит на меня с непривычным теплом, от которого все тело охватывает жаром, но при этом сохраняет строгий тон, адресованный

подчиненным. Важно представляется: - Герман Янович.

*

Впервые герои встречаются в книге "Ненужная мама. Сердце на двоих"

<https://litnet.com/shrt/nYMP>

- Двойня? Плохо... - бездушно выдает он, не отрываясь от моей истории. - Вика, от меня? - бросает так же сухо и коротко.
- Гордей Витальевич, разве это важно? – стараюсь говорить непринужденно, будто меня совсем не задает его вопрос. - Вы здесь как специалист-кардиолог, а я в роли вашей пациентки. Мы поменялись местами, и теперь мне нужна ваша помощь. Что скажете, доктор, какие будут рекомендации?
- В нашей ситуации только одна... - поднимает на меня стальной взгляд ледяных серых глаз, чтобы добить жестким приговором: - Аборт.
Я влюбилась в коллегу и отца своей маленькой подопечной, нарушила врачебную этику и личные принципы, а он... цинично отправил меня на аборт. Вскоре после этого я застала его в объятиях одной из сотрудниц. Я думала, что Гордею не нужен никто, кроме его умершей жены, а ему просто не нужна... я. За два крохотных сердечка, которые бьются под моим, и за свое собственное мне придется бороться в одиночку.

Глава 7

Герман

- Девке помощь нужна, а ты опять в свою Германию намылился. Медом тебе там намазано?

- В клинику пора, бабуль. Отдохнул – и хватит. Пациенты ждут.

- Подождут, не подохнут, - причитает ворчливо. - А вот Амина твоя вполне может... с легкой руки мужа.

- Не моя, я ее видел в первый и последний раз в жизни. Девушка взрослая, сама сделала выбор. Сознательно, - чеканю невозмутимо, собирая вещи. Игнорирую неприятные позывы в груди. – Я не МЧС-ник и не служба спасения 911. Тем более, она вернулась к законному супругу, медицина здесь бессильна, - замираю над чемоданом, вспомнив сцену во дворе больницы. Они выглядели семьей. – Хрен с ней, - выплевываю рассержено.

- Ба-а, значит совсем дело дрянь, - хватается за сердце. – Я бабскую сущность насквозь вижу, и у этой – яйца поболе твоих будут. Ты не смотри на ее внешнюю хрупкость, там внутри стержень стальной, но и его сломать можно, - сжимает сухой кулак и грозит им мне, а я хмыкаю скептически. – Что ж, будь по-твоему... Я рыжую хорошо запомнила. Если что, опознаю, когда ее муженек добьет и у нас в глуши выбросит. И тебе телеграмму пришлю, чтоб совесть

замучила.

Черт! Похоже на правду. Я сам с такими случаями сталкивался, когда приходилось «случайно» упавшую с лестницы беременную спасать – и экстренно делать кесарево. Как правило, в палатах таких рожениц потом было больше всего цветов. Как на кладбище. Просто есть категория недо-мужиков, которые самоутверждаются за счет своих жен. Нередко они переходят все границы. Потом извиняются, но хватает их ненадолго. Замкнутый круг.

В сотый раз твержу себе, что не мое это дело, но в сознании всплывает яркий образ рыжей бестии с грустными карими глазами. За ребрами колет, будто нерадивый хирург зашил во мне скальпель, и теперь острое пробирается к сердцу.

- Я проверю, как она, а потом сразу же уеду...

Проверил.

Теперь стою посередине тесной, душной ординаторской, в окружении молодых акушеров, похожих на квочек в курятнике, которым привели петуха, а взгляд направлен на единственную, кто меня интересуется. Первым делом пристально изучаю Амину в поисках увечий и, не обнаружив особо явных, просто смотрю на нее, словно запоминая.

Сегодня она совсем другая. Свежая, чистая, неузнаваемая. Без макияжа, но так ей даже лучше, халат небрежно накинут на плечи, под ним – сдержанный костюм, скрывающий все тело, волосы убраны наверх в аккуратный пучок. На пра-

вой руке – злополучное кольцо, которое Амина беспрестанно теребит, как будто оно ей мешает. Мне тоже. И не только потому, что в медицине украшения неуместны...

Я заставляю ее снять обручалку, чего бы мне это ни стоило.

Слегка улыбаюсь, сохраняя зрительный контакт. Вижу, как Амина краснеет. Какие, на хрен, яйца со стержнем? Обычная слабая девчонка. Одна из тех овечек, которые сами идут на заклятие. Но именно этой почему-то хочется помешать.

В какой-то момент я вдруг осознаю, что остаюсь.

Приму предложение главного врача, который, как только узнал, кто я и откуда, с ходу предложил мне должность заведующего. Не понимает, с кем связывается. Я же этот убогий роддом вверх дном переверну и весь медперсонал вышкочю. Не смогу работать, игнорируя внутренние проблемы, а их видно невооруженным глазом.

Правда, родители не поймут, почему я внезапно бросил ведущую немецкую клинику и осел в России. А мне нечего им сказать. Сам не знаю, что со мной происходит.

Просто чувствую, что должен быть здесь. С ней. И хочу этого.

Одержимость – это диагноз.

- Амина Сафина, задержитесь на минутку, - бросаю важно, закончив собрание и распустив всех, кроме той, из-за которой меня сюда занесло. – Присядьте, - киваю на стул напротив.

Она вздрагивает, с опаской крадется ко мне, и я чувствую прицел на лбу от ее прожигающего взгляда. Усмехаюсь. Да, я подготовился к нашей встрече – и добыл некоторую информацию о ней. Не только фамилию ее мужа, но гораздо больше. Это не так сложно, если есть связи, ведь любая больница как маленькое село. Все друг друга знают.

- Не ожидала вас здесь увидеть, Герман... Янович, - произносит тихо, несмело, с запинкой.

- Давай без отчества, Амин, непривычно, - передергиваю плечами. – Как ты? – поднимаю на нее встревоженный взгляд, а она свой, наоборот, прячет.

- Нормально, - отвечает одними губами. – Но вы же не об этом хотели поговорить? Надеюсь, вы не собираетесь меня уволить? – вскидывает брови, и на ее лице мелькает тень страха.

Отрицательно качая головой, улавливаю ее облегченный вздох. Хмурюсь недоуменно, потирая подбородок. При таком богатом муже она держится за должность акушерки? Странно...

Соединив кисти над столом, Амина лихорадочно перебирает пальцами, то и дело цепляя короткими ногтями кольцо. Не выдерживаю. Подаюсь вперед, перехватываю маленькую прохладную ладонь, крепко сжав, – и нагло стягиваю золотой ободок, с отвращением отбрасывая его к бумагам. Звякает об деревянную поверхность и ребром становится между папками.

Стиснув зубы, я испепеляю побрякушку взглядом, а Амина настороженно косится на меня.

- Никаких украшений и маникюра. Это запрещено, - откашлявшись, объясняю как можно спокойнее.

- Я знаю, не успела снять. Извините, - напряженно цедит, не сводя с меня прищуренных глаз. Будто боится, что нападу.

Наощупь находит свое кольцо, надевает его на цепочку на шее и прячет под блузкой. Подумав, застегивает верхние пуговицы, упаковывая себя по самое горло. Проследив за ее неловкими действиями, я неровно отрываю листок из блокнота, пишу на нем свой номер, стараясь выводить цифры разборчиво, а не врачебным почерком.

- Я вспомнил, что у тебя нет моего телефона, - протягиваю Амине записку, которую она берет за уголок. – На случай, когда тебе потребуется помощь. Лучше выучи, если опять останешься без денег и сумки посреди дороги.

- Но я ни о чем вас не просила...

- Такие, как ты, обращаются, когда уже поздно, - мрачно чеканю, и она меняется в лице. Выглядит оскорбленной. - Что по поводу твоих родителей, Амина? Их нет? Или по каким-то причинам они не могут тебя принять?

Поздно понимаю, что задел ее за живое. Может, и к лучшему – быстрее очнется. Иногда надо хорошенько встряхнуть жертву, чтобы пробудить желание жить и бороться.

- Пожалуйста, хватит! Вы позволяете себе лишнее, - фыр-

кает она раздраженно, подскакивая с места и упираясь сжатыми кулачками в край стола. – Вы ничего обо мне не знаете, чтобы делать какие-то выводы.

- Так расскажи, я именно за этим здесь, - выпаливаю как на духу, но от моего откровения Амина отшатывается, испугавшись еще сильнее.

- Вы преследуете меня? – сводит брови к переносице. – Это что-то нездоровое.

- Согласен, - задумчиво бросаю, мысленно ругая самого себя. На хрена лезу? Какого черта уехать не могу? Даже после того, когда мне прямо указали на выход.

Повисшую тишину разрывает стук в дверь. На пороге появляется кто-то из сотрудников. Я не запомнил имен подчиненных – был сосредоточен на Амине.

- Герман Янович, вас вызывают в смотровую, - сообщает запыхавшаяся девушка в медкостюме и маске, спущенной на подбородок. - У пациентки начались схватки раньше времени.

- В смысле, раньше времени? – подрываюсь на ноги, а Амина взволнованно оглядывается. - Преждевременные роды? Сколько недель?

- Срок в норме, тридцать девять с половиной... Я имею ввиду, что плановое кесарево назначено на послезавтра, а она...

- Ребенку виднее, когда появляться на свет, - выплевываю с усмешкой. В нашем деле иногда лучше не идти против при-

роды, а подстраиваться под нее, аккуратно помогая. Тогда больше шансов, что она отдаст дитя целым и невредимым.

- Но... - округляет губы в форме буквы «о». – Тазовое предлежание. Готовить роженицу к экстренному кесареву, да? – гнет свою линию, как зашоренная.

- Стоп, мать вашу! – повышаю тон, но вздрагивает только медичка. Амина даже бровью не ведет. Наверное, начинает привыкать ко мне. Зато внимательно слушает наш разговор, включаясь в работу. - Вам тут не курсы кройки и шитья. У меня сама родит.

Широкими шагами пересекаю кабинет, на пороге запинаясь и оборачиваясь.

- Амина, переодевайся – и за мной, - строго приказываю. - Только быстрее, иначе они без нас половину роддома пережут, им только волю дай.

- Поняла, Герман Янович, - охотно отзывается она, демонстрируя собранность и опыт. - Дайте мне пару минут.

Срывается с места, вихрем пролетает мимо меня, задев плечом, и с горделивой осанкой направляется к медсестринской. Опешив на секунду, я с улыбкой смотрю ей вслед. Начинаю понимать, что имела в виду моя бабка. Несмотря ни на что, в Амине чувствуется внутренняя сила.

Эта девушка особенная.

Не раскисает, хотя буквально минуту назад мне казалось, что она на грани. Падает и поднимается, набивает шишки и идет дальше. Это вызывает уважение и кое-что еще, о чем

мне думать рановато. Ни одна баба меня так не цепляла, как она – чужая жена, с которой я почти не знаком.

Сработаемся точно, а остальное – решим в процессе.

Глава 8

Неделя спустя. Предложение

Амина

Герман вызывает противоречивые чувства...

Как врач он профессионал. Буквально на следующий день после того, как он принял естественные роды у сложной пациентки, весть об этом разнеслась по всему отделению – и к нему буквально выстроились очереди из будущих мамочек. Даже деньги предлагают, но принципиальный доктор взятки не берет. Неудивительно, ведь в Германии он в день зарабатывает больше, чем здесь за месяц. Демин ни в чем не нуждается, но все равно непонятно, зачем остался?

Как человек Герман добрый, честный и внимательный. Как руководитель – строгий и резкий. Немного смущает, что в особо острых ситуациях он совсем не по-немецки грубо ругается, но я научилась это игнорировать. Зато четко знаю, когда что-то идет не так, и могу экстренно отреагировать. Наверное, поэтому он берет меня на все операции, будто по-настоящему доверяет.

Работать с ним легко, мы понимаем друг друга с полуслова, постоянно дежурируем вместе, будто Демин специально составил свой график так, чтобы попадать на мои смены. С другой стороны, это несложно, ведь я практически круглосуточно нахожусь в больнице, лишь бы реже встречаться с

мужем.

Я чувствую себя между двух огней. Дома Марат, на работе Герман. И последний все сильнее отравляет мои мысли, как вирус.

Как мужчина... он меня волнует и настораживает.

Горячие взгляды, аккуратные прикосновения, порывистые обещания помощи, настойчивые попытки пролезть ко мне в душу... Он вроде бы не позволяет себе лишнего, но будто балансирует на грани, готовый в любой момент сорваться.

Нельзя. Иначе будет катастрофа.

- Приехали, дорогая, я тебя проведу, - пробивается ко мне неискренне ласковый голос мужа, и я передергиваю плечами.

Тщетно пытаюсь унять дрожь в теле, боюсь выдать свои настоящие эмоции словом или жестом. Отворачиваюсь и изучаю здание роддома, возле которого припаркован внедорожник Германа.

Из огня да в полымя.

- Это лишнее, Марат, спасибо, - ровным тоном произношу, ступая на мокрый, скользкий асфальт.

Несмотря на мои протесты, муж выходит следом за мной, подает мне руку. Спорить бессмысленно. Он всегда принимает решения сам и поступает так, как ему хочется. Сегодня ему вздумалось проконтролировать меня, будто интуиция завопила об опасности.

- Ты не сказала, что у вас новый заведующий, - обвинительно цедит Марат в тот самый момент, когда мы проходим мимо внедорожника. Молюсь, чтобы Германа не оказалось внутри. Подсознательно опасаясь встречи двух мужчин.

- Его только недавно назначили. Не успела, - бросаю как можно невозмутимее. - Да и смысл, если ты в курсе всего, что происходит в больнице.

Кривится. Недоволен.

Разумеется, ревнивого супруга больше устраивала Богомолова, которая следила за каждым моим шагом и докладывала ему. Демин не станет... Хотя я пока что плохо его знаю, но начинаю доверять.

- Доброе утро, - летит нам в спины с сарказмом, и знакомый бархатный баритон теплой волной прокатывается вдоль позвоночника. Согревает в ветреную погоду. – Амина, сейчас у нас сложная операция. Будьте добры, не опаздывайте, - приказывает строго, а у меня невольно уголки губ тянутся вверх. Ощущаю себя в безопасности, хоть это и неправильно.

Поравнявшись с нами, Герман деловито шагает мимо, не глядя на Марата, будто его не существует. Пустое место. Явно пренебрежение не укрывается от внимания моего мужа, а прищуренный взгляд то и дело летит в сторону машины. Надеюсь, он не узнал марку, иначе быстро рассекретит моего таинственного «таксиста». Мне не нужны ссоры. Только не сейчас, когда я наконец-то нашла способ вырваться.

- Кхм-кхм, - хмуро покашливает, удивленный тем, что пе-

ред ним не пресмыкаются, как обычно.

Демин замедляется, неторопливо оборачивается и... сначала смотрит четко на меня, будто обнимает мысленно, а только потом переключается на мрачного Марата.

- Прошу прощения, не заметил, - добывает его равнодушным тоном. – Герман Демин, новый заведующий родильным отделением.

- Марат Сафин, - чеканит супруг, ожидая, что его имя вызовет уважение и страх. Протягивает ладонь для рукопожатия, которая висит в воздухе.

Герман и бровью не ведет. Стоит расслабленно, демонстративно спрятав руки в карманы.

- Впервые слышу, - хмыкает задумчиво, и только я знаю, что он лжет, причем делает это намеренно. Выдержав паузу, лениво уточняет: - Впрочем, я здесь недавно.

- Доктор наук, ведущий психиатр... - Марат перечисляет свои регалии, но закончить не успевает.

- Важные связи, но надеюсь, мне они не понадобятся, - усмехается Демин. – Амина, время, - постукивает по циферблату наручных часов и распахивает передо мной дверь.

Сухо попрощавшись с мужем, я переступаю порог больницы и спешу в спасительное тепло коридора. Запахи лекарств смешиваются с ненавязчивым, свежим ароматом одеколона, кисти касаются холодные пальцы, невесомо проводят вверх, на локоть ложится крепкая, но осторожная хватка.

- Герман Янович, - зову официально и боковым зрением

замечаю, как он морщится. Не любит, когда обращаются по отчеству, особенно если это делаю я. – Какая операция? Насколько я помню, по плану сегодня нет ни одного кесарева. Вы в принципе ярый противник оперативного вмешательства, - добавляю с улыбкой.

- Ты правильно помнишь, Амина, - загадочно ухмыляется и подталкивает меня к медсестринской. - Отдохни немного перед обходом, выпей кофе. Хотя тебе не помешало бы позавтракать - светишься вся, - обласкав меня взглядом, разворачивается в сторону лифтов. - Если будешь нужна – я вызову.

Затормозено смотрю ему вслед, пока он не скрывается в кабине. Странно, что не пошел в ординаторскую, как обычно. Мысленно даю себе пощечину, с трудом отрываюсь от задвинутых створок, пытаюсь сосредоточиться на своих проблемах, как бы тяжело это ни было.

Переодевшись, оставляю горячий кофе остывать на столе, а сама поднимаюсь к Стародубцевой – опытному врачу-гинекологу, которая согласилась выступить в роли моего репродуктолога и подготовить меня к ЭКО, а потом направить в центр на самую процедуру. Протокол длится месяц, и этого времени мне должно хватить...

Сердце барахтается в груди, царапаясь о ребра, легкие отказываются гонять кислород, пустой желудок от страха сжимается до размеров горошины. Надеюсь, доктор войдет в мое положение, иначе... Не хочу даже думать! Мне нужен этот

чертов месяц!

- Галина Алексан... - запинаясь, внезапно потеряв дар речи.

В кабинете меня встречает не она. В кресле за столом, с моей историей в руках, напряженно сидит... Герман. Услышав мой голос, он отрывается от бумаг и поднимает стеклянный, ничего не выражающий взгляд на меня. В гробовой тишине гремит его вопрос:

- Ты действительно этого хочешь?

- Как вы здесь оказались? И почему... - осекаюсь, потому что он невозмутимо перелистывает страницы и нагло изучает мой анамнез.

- Ты в курсе, что ты здорова? – пробежав глазами результаты анализов и УЗИ, выносит вердикт. – Полноценная молодая баба отчаянно хочет угробить свой организм гормонотерапией ради мужика, который выбрасывает ее из машины, как надоевшую игрушку? Это что-то нездоровое, - с горькой усмешкой возвращает мне мою же фразу, брошенную ему на первой пятиминутке.

Призвав внутренние силы, которые давно на исходе, я делаю вид, что пропустила его жестокие слова мимо ушей. Если начну отвечать, то впущу Германа в душу и дам слабину, которой так легко воспользоваться. Я слишком уязвима в своей беде.

- Где Галина Александровна? – холодно уточняю.

- Скорее всего, докладывает твоему благоверному о том,

что инкубатор в полном порядке и готов радостно воспроизводить потомство для почетной династии Сафиных, - выплевывает с нескрываемой злостью. Отравляет ядом, но у меня уже выработался иммунитет. Молчу... Не получив отклика, он проглатывает ругательство и тихо добавляет: - А еще о том, что новый заведующий подозрительно себя ведет. Покушается на его собственность. Ведь именно так Марат тебя воспринимает?

- Это не ваше дело, - строго перебиваю, ведь он заходит слишком далеко. Ранит больно. - Пожалуйста, просто не вмешивайтесь, - протягиваю руку к бумагам.

- Хорошо, но прежде... - он подается вперед, закрыв историю и облокотившись о стол. - Я повторю вопрос. Ты действительно хочешь ребенка от мужа?

Секунда... Две...

Трещина внутри разрастается, образуя брешь в моей хрупкой защите.

Три...

В залатанной броне зияет дыра.

- Нет, - выпаливаю на рваном выдохе, сморгнув слезы, и обессиленно падаю на стул, будто к ногам привязаны гири. - Не хочу, - еле шевелю губами, слизывая с них соль. - Я не собиралась идти на ЭКО по-настоящему.

- Я в тебе не ошибся, - грудной рокот Демина вызывает мурашки, окунает в знакомое тепло. - Мое предложение помощи до сих пор в силе. Просто скажи, в чем загвоздка? По-

чему ты так держишься за этот брак?

- Мне нужно время. Я сама разберусь, - повторяю как мантру, но сама себе не верю.

Если даже доктор Стародубцева предала меня, то мне больше не к кому обратиться.

- Не сможешь, - озвучивает мои страхи. – Зато я готов поддержать. Со мной будет гораздо проще, поверь, - накрывает мою ладонь своей, прижимает к поверхности стола.

- Не безвозмездно, - высвобождаю кисть из горячего плена его рук. – Мужчины не занимаются благотворительностью в отношении женщин. Что вы потребуете взамен? Стать вашей любовницей? – выпаливаю, вспыхнув от своих же слов. Я слишком правильно воспитана, чтобы общаться с мужчиной в таком откровенном тоне, но сейчас срываюсь.

- Точно нет. В этой роли ты меня не интересуешь, - чеканит безапелляционно, стиснув кулак так сильно, словно сохраняет в нем мое тепло. Глядя мне прямо в глаза, четко произносит фразу, от которой замирает сердце: - Я бы взял тебя в жены.

Глава 9

Тягучий зрительный контакт сковывает нас, как невидимые цепи. Герман выглядит серьезным и решительным. Я же глубже зарываюсь в свой панцирь.

Из одной золотой клетки в другую, только немецкого производства? Это вряд ли...

- А если я не захочу замуж еще раз? - аккуратно уточняю, с трудом подавив эмоции. Держусь так, будто веду переговоры. - Что тогда?

- Я не буду скрывать, ты мне нравишься. Очень, - невозможно признается Демин, развалившись в кресле. - Как профессионал, как человек, как женщина. Любая твоя грань идеальна, как у бриллианта. С недавних пор я одержим тобой, хотя мне это несвойственно, - хмурит брови и проводит большим пальцем по небритой щеке. - Надеюсь, я успокоюсь, когда ты будешь в безопасности.

- Герман, нет... - шепчу, пряча лицо в ладони.

- При этом я никогда не сделаю ничего против твоей воли, - монотонный, гипнотизирующий голос звучит в унисон с неторопливыми шагами, которые затихают рядом со мной. - Я хочу тебе помочь. Дальше живи, как знаешь. Главное, не влипни опять в токсичные отношения.

На плечо ложится тяжелая мужская ладонь, и я вскидываю голову, обнаружив Германа совсем близко. Он остано-

ливается на расстоянии вытянутой руки, опираясь бедром о край стола.

- То есть вы готовы потратить на меня свое время, заранее понимая, что я никогда не буду с вами? – нервно хмыкаю, недоверчиво качая головой. - Так не бывает.

- Оказывается, бывает, - смеется бархатно, с оттенком горечи и обреченности. – Скорее всего, ты мне не поверишь, я и сам удивлен, но... для меня важно, чтобы ты стала счастливой. Пусть даже не со мной. Тем более, детей я тебе тоже дать не в состоянии, как и твой нынешний супруг, - бросает как бы между прочим, но при этом его настроение радикально меняется, а лицо становится мрачным. - Так что брак со мной все равно обречен на провал. Мое предложение эгоистично, каюсь. Зато теперь ты знаешь все. Тебе решать.

В то время как я пытаюсь вникнуть в смысл его слов, он достает из кармана брюк связку ключей с необычным круглым брелоком в виде нашей планеты. Кладет передо мной. Вглядываюсь в уменьшенную копию Земли, и кажется, что передо мной открывается весь мир.

Герман нависает надо мной, как коршун, словно оберегая от опасности.

- В любое время, - отрывисто и коротко. Метко в душу. - Теперь тебе есть, куда идти.

- Я уже нашла себе съемное жилье и заплатила хозяйке первый взнос, - очнувшись, пальцем отодвигаю от себя земной шарик.

- Хм, не перестаешь приятно удивлять, - выдыхает мне в макушку, почти коснувшись губами, и резко выпрямляется.

- Ключи все равно возьми, мне так будет спокойнее.

- Я ими не воспользуюсь, - упрямо встряхиваю волосами.

- Посмотрим... Что будешь делать дальше, Амина?

- Я наняла лучшего в городе бракоразводного юриста. Воскресенскому нужно время, чтобы изучить мое дело и найти решение одного важного вопроса, - пространно говорю, не вдаваясь в детали. – Месяца, отведенного на подготовку к ЭКО, должно хватить. За это время будет составлен и подан грамотный иск в суд, а я как раз накоплю необходимую сумму. Мне позволили заплатить в рассрочку, так как юридические услуги стоят очень дорого.

- Деньги не проблема, - перебивает меня, постукивая костяшками по столу. К ключам не прикасается, я тоже. Лишь продолжаю замороженно смотреть на брелок, утопая в манящей лазури океанов. - Почему не подаешь на развод в открытую? Боишься? Или собираешься делить имущество?

- Часть бизнеса моих родителей после свадьбы перешла к мужу. В качестве приданого. Я хочу забрать ее, - очень тихо лепечу, как под гипнозом.

- Наплюй, я смогу тебя обеспечить, - произносит таким тоном, будто я уже его законная жена. Присвоил.

- Не в этом дело. Мне ничего не нужно от Марата, но я должна вернуть родителям их долю. Тогда я ничем не буду им обязана и со спокойной совестью смогу строить свою

жизнь. А дальше... сама справлюсь. Заработаю потихоньку, если Марат не перекроет мне кислород в медицине.

- А он может?

- Легко...

- Значит, сделает, - задумчиво цедит, мысленно поставив себе галочку. - Но мы это учтем.

- Мы?

- Ты еще не поняла, что я не отступлюсь?

- Герман, я пока еще замужем, - вскакиваю с места, но вынуждена пожалеть о своем опрометчивом действии.

Мы оказываемся почти на одном уровне. Друг напротив друга. Вплотную. Чуть запрокидываю голову, и он подцепляет мой подбородок пальцами.

- Тише, не зли меня, - шепчет предупреждающе, а на дне зрачков разгорается костер, возле которого хочется погреться.

- Но это так! – повышаю голос. Большим и указательным пальцами тяну цепочку на шее, доставая из-под блузки подвешенное, как кулончик, обручальное кольцо. Подношу к лицу Германа, что становится темнее грозовой тучи. - И я попросила бы, чтобы вы не дискредитировали меня перед мужем. Я буду верна ему до момента, пока не получу свидетельство о расторжении брака. У нас так принято, и я...

- Мать твою, я же попросил! – перехватывает золотую цепь, едва не сломав звенья, вырывает у меня кольцо и перекидывает его за спину. Закрывает мое лицо в горячие ла-

дони, сжимает крепко. - А у нас любить принято. Без условий.

Делает глубокий вдох. И врежется в мои губы требовательным поцелуем.

От неожиданности приоткрываю рот, но ничего сказать уже не могу. Чувствую его терпкий вкус, жаркое и рваное дыхание, прикосновение языка, который сначала будто изведывает новые территории, а уже в следующую секунду врывается в меня, лишая воли.

Чужой, но я откликаюсь на него, как на родного.

Сердце забивается чаще, а внутри бушует шторм противоречивых эмоций.

Нельзя! Я несвободна! Официально принадлежу другому!
К сожалению...

Все, что происходит между нами, - это измена.

Падение. Грех.

Получается, Марат был прав по поводу меня.

Неверная.

Пусть так...

Апатично опускаю ресницы. Влажные от проступивших на глазах слез.

Невольно отдаюсь моменту, захлебываясь волной накативших чувств. Я будто впервые в жизни целуюсь. Так трепетно, чувственно и жарко, что мир вокруг плывет. Губы двигаются в такт, руки цепляются за мощные плечи в поисках спасения, пальцы впиваются в напряженные мышцы.

Проблемы теряют свое значение, словно Герман забирает их у меня вместе с поцелуем.

Нежность сплетается с настойчивостью, мягкая ласка – с грубой нетерпеливостью, невесомая целомудренность – с порочной страстью. Теряюсь в контрастах. Задыхаюсь от эмоций. Запоминаю момент, который вряд ли повторится.

На доли секунды мне мерещится, что у нас все и правда по любви. В его руках по-настоящему хорошо, уютно, безопасно, но...

- Нет...

Отталкиваю Германа. Поджигаю истерзанные губы.

Мне нечего предъявить ему. Любые оправдания будут звучать неестественно и лицемерно. Ведь я ответила...

Молча сбегая из кабинета. Сталкиваюсь с доктором Стародубцевой в дверях, без объяснений пролетаю мимо, а она заходит внутрь, растерянно здороваясь с Деминым.

Боже, все стало только сложнее.

Закрываюсь в служебном туалете, медленно сползаю по стене на пол. Глотаю душащие меня слезы. Неосознанно сминаю на себе медицинский халат, и в кармане что-то позвякивает.

Ключи... Я не заметила, как Герман подложил их мне.

В памяти всплывает наш поцелуй. Перед глазами крутится маленькая планета.

«Теперь тебе есть, куда идти»...

Но ценой спасения может стать мое разбитое сердце.

Глава 10

Некоторое время спустя. Присвоение

«Амина, я опять не застал тебя дома. Через два часа я за тобой заеду», - светится на дисплее сообщение от Марата. Днем он на работе, а вечером я стараюсь по возможности сбегать в роддом или имитирую усталость, раньше уходя спать. Так и живем. Благо, осталось недолго.

«У меня ночное дежурство», - набиваю ответ. Телефон практически сразу вибрирует.

«Во-первых, не твоя смена. Во-вторых, мне плевать. У тебя скоро процедура. Я хочу знать, как дела», - прилетает эс-эмэска, пропитанная гневом, что буквально сочится через экран.

Следом – входящий звонок, который я сбрасываю.

«Операция. Позже поговорим», - привычно лгу.

Никакого «позже» не будет. Как и «процедуры». Я догадалась, какой именно. Марат намеренно не упоминает ЭКО в беседе и переписке, будто нас могут подслушать или прочитать, а это оскорбляет его честь и достоинство.

Проблемы со здоровьем могут быть только у бракованной жены, но муж идеален априори. Если доктор придерживается иного мнения, то он плохой специалист. Стародубцева решила не рисковать и приняла сторону Марата, как и предрекал Герман. К счастью, я была готова к такому повороту

событий.

О помощи репродуктолога я так и не попросила. Вместо этого покорно вступила в протокол, взяла все необходимые гормоны и уколы, которые должна ставить сама себе дома в живот в четко обозначенное время, и... имитировала, что исправно выполняю назначения. Рисовала отметки в специальном дневнике, а тем временем собирала документы, украшения, кое-что из одежды, чтобы тайком перевозить в съемную квартиру.

Как только Марат получит извещение о разводе, то выгонит меня на улицу в чем мать родила. Не сомневаюсь в нем. Не пожалеет, не простит. Поэтому я должна подготовиться заранее.

Разговор с Германом помог многое переосмыслить и придал мне сил. У меня будто крылья за спиной выросли, так что теперь я хочу скорее вылететь из клетки, пока мне их не обрезают.

Проверяю паспорт, который всегда ношу с собой в сумке, достаю из потайного кармана ключ с брелоком, пальцем толкаю земной шарик, прокручивая его. Улыбка касается губ, растягивает их на пол-лица. Это так непривычно, что скулы сводит, ведь за последние годы я лишь грустила и плакала. Думала, что вовсе разучилась смеяться, но нет... Живые эмоции берут верх.

- Как продвигается наше... дело, Константин Юрьевич?
- заговорщически шепчу в трубку, все-таки не выдержав и

позвонив раньше срока своему юристу.

- Прекрасно, Амина. Я верну вам долю ваших родителей и немного сверху... за моральный ущерб, - усмехается он. – Возражения не принимаются! Мне виднее, - добавляет предупреждающе. – Сможете завтра подъехать ко мне в офис и подписать бумаги? Будем судиться, - выдает с азартом.

- Смогу, но... - судорожно сглатываю, облизнув вмиг пересохшие губы. – Сколько будут стоить ваши дополнительные услуги? Я имею в виду «немного сверху», что вы мне пообещали. Просто я рассчитывала на определенную сумму, да и то выплачивать ее частями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.